

А.В. Блинов (Москва, Россия)

Некоторые особенности выражения семантики категории модальности в готском языке

Аннотация: В предлагаемой работе рассмотрены формы выражения императива и оптатива, как они представлены в переводе молитвы «Отче наш» с греческого на готский язык. На уровне лексики готские переводчики Библии старались в максимальной степени следовать греческому прототипу. В то же время на уровне грамматики имело место стремление адаптировать соответствующие категории, с одной стороны, формальным возможностям готского языка, с другой стороны, общему эмоциональному восприятию модальности текста. В греческом языке эти модусы демонстрировали склонность к сближению друг с другом и, по-видимому, к взаимозаменяемости. В то же время в готском языке перевод данных греческих форм демонстрирует последовательное разведение грамматических категорий наклонения. Благодаря этому те модальные оттенки, которые были присущи готскому императиву и оптативу, в общей структуре высказывания создавали особый смысловой пласт, отсутствующий в греческом языке. Таким образом, в общем контексте готской молитвы различие и чередование модальностей императива и оптатива оказывается релевантным как в плане выражения, так и в плане содержания.

Ключевые слова: техника перевода, императив, оптатив, семантика модуса, готская Библия, грамматическая форма

A.V. Blinov (Moscow, Russia)

Featuring Semantics of Modality in Gothic

Abstract: This article discusses forms of imperative and optative in the translation from Greek into Gothic of The Our Father prayer. Lexically, Gothic translators of the Bible were as precise as the Greek prototype prescribed. Grammatically, they sought to adapt the categories, at some points, to the formal potential of Gothic, and, at other points, to the overall emotional modality of the text. The Greek text indicated close proximity of these modes, and, apparently, their mutual replaceability. Meanwhile, the Gothic translation of the Greek forms treats the categories of the mood differently. This permitted to create new shades of modality, as Gothic imperative and optative prompted the meaning which was absent from the Greek text. To conclude, in the general context of the Gothic translation of the prayer the

difference and alternation of the modalities imposed by imperative and optative prove to be relevant both in terms of form and content.

Key words: translation techniques, imperative, optative, mode semantics, Gothic Bible, grammar form

В нашем факультетском журнале (Stephanos. 2014. № 2) была помещена статья О.А. Смирницкой «От слова к смыслу: Вульфила как переводчик готского Священного Писания», освещающая основные принципы перевода Библии на готский язык.

Эта работа побудила меня обратиться к проблеме лексико-грамматического обозначения тех отношений и состояний, которые, так или иначе, оказываются связанными с категорией модальности в готском переводе молитвы «Отче наш» [М 6: 9–13].

В последнее время вышел целый ряд исследований, анализирующих смысловое значение категории глагольного наклонения. В частности, рассматривается набор средств императивной и оптативной семантики.

Категория модальности оформляет смысловое единство высказывания. Эта категория принадлежит общей структуре предложения и может передаваться по-разному. Выбор тех или иных способов ее выражения в конкретном высказывании определяется семантическими функциями данной категории, которые получают реализацию, прежде всего, в соответствующих формах глагольного наклонения (а также, несомненно, интонационно-мелодическими средствами).

Согласно академику В.В. Виноградову, в системе глагола категория наклонения определяет модальность действия, «отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [Виноградов 1947: 581; см. также Виноградов 1950: 81].

В лингвистических исследованиях неоднократно отмечалось, что в определенных контекстах та или иная морфологическая категория может обретать дополнительное семантическое наполнение, т. е. выполнять такие функции, для которых в данном языке отсутствуют специальные грамматические формы. В этих случаях речь может идти о своеобразной «некатегориальной семантике» [Бондарко 1978: 144].

Применительно, в частности, к императиву В.В. Виноградов указывает: «Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. <...> В системе повелительного наклонения эта интонация является органической принадлежностью глагольных форм. *Вне этой интонации повелительного наклонения не существует* (выделено мной. – А.Б.)» [Виноградов 1947: 590].

И далее: «Кроме особенностей морфологического строя, повелительное наклонение отличается экспрессивностью, аффективностью своих грамматических значений. В категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями форм» [Виноградов 1947: 596].

Это означает, что повелительное наклонение в принципе способно выражать специфическое субъективное отношение говорящего к содержанию своего высказывания, определяя тем самым иллокутивную установку этого высказывания. Как следствие, «благодаря употреблению императива говорящий добивается большей экспрессивности сообщения, выражает свое субъективное, в частности, оценочное отношение к действию. В контекстах, в которых императив замещает другое наклонение, он всегда *экспрессивнее* (выделено мной. – А.Б.), чем другие способы модального выражения» [Грабье 1983: 106].

На это же обстоятельство указывает и Н.В. Перцов, подчеркивая, что «ключевой смысл императива – экспрессивность (субъективность)» [Перцов 2001: 250].

Вот этот эмоциональный (некатегориальный) компонент семантики повелительного наклонения способен определенным образом отражать «непосредственную психологическую связь между сознанием говорящего и глагольной ситуацией <...>, малое (или нулевое) психологическое расстояние между ними – по сравнению с разнообразными неимперативными способами выражения побуждения» [Перцов 2001: 222].

Одним из таких «неимперативных способов» является оптатив, категория желательного наклонения. Как и повелительное наклонение, оптатив передает как бы импульс к совершению того или иного действия.

Применительно, в частности, к древнерусскому языку отмечалось, что выбор между этими двумя наклонениями зависит от того, активным или неактивным субъектом является предполагаемый исполнитель действия, т. е. адресат высказывания.

Императив обращен к такому субъекту, который может или должен быть активным исполнителем требуемого или желательного действия. К нему всегда будет обращение во 2-м лице («ты», «вы»).

Если же прошение обозначает желаемое изменение в состоянии или качестве адресата прошения, который сам непосредственным исполнителем быть не может, регулярно используется оптатив в 3-м лице.

Таким образом, по-разному оформляются прошения, относящиеся непосредственно к субъекту во 2-м лице, который, по замыслу просителя, прямо и непосредственно называется как исполнитель искомого действия, и прошения, обращенные в адрес 3-го лица, которое не может непосредственно воспринимать высказанное пожелание и, соответственно, не может быть его активным исполнителем [Пичхадзе 2010: 14–24].

Указанный набор средств выражения семантики повелительного и желательного наклонений в древнерусских текстах представлен точно таким же образом в готском тексте молитвы.

И оптатив, и императив используются для того, чтобы выразить желание говорящего относительно осуществления некоторой ситуации. В этом отношении оба наклонения являются семантически и функционально близкими.

Но если оптатив является только более или менее нейтральным сообщением об определенном желании, то императив – это уже активная попытка каузировать исполнение желания, т. е. побудить к реализации, к появлению или осуществлению желаемой ситуации.

Таким образом, в семантике императива делается эмоциональный акцент именно на ее побудительном компоненте, в то время как в оптативе эмоция просителя

заметно ослаблена, и в этом случае внимание адресата прошения концентрируется на компоненте информационном.

Понятно, что высшую силу, Всевышнего, к которому, собственно, и обращена молитва, прямым образом каузировать невозможно. Здесь важно другое: в повелительном наклонении просящий прямо указывает на того, кто, по замыслу, в принципе способен непосредственно исполнить (или реализовать) просимое.

Тем самым в данном случае делается попытка установить более тесный (по сравнению с оптативом) психологический контакт с адресатом прошения, оказать на него активное эмоциональное воздействие, так как 2-е лицо повелительного наклонения – это непосредственный исполнитель (возможный или предполагаемый) прошения.

В то же время особую семантику обретает 3-е лицо оптатива. Здесь в принципе не может быть направленной каузации, так как 3-е лицо отсутствует в ситуации общения, и поэтому у просящего не может с ним быть прямого эмоционального контакта. Просящий не имеет возможности непосредственно воздействовать на адресата энергетикой своего желания. Как следствие, прошение облекается в более мягкую (оптативную) форму.

Условием успешности повеления является контроль над искомым действием. Такой контроль представляется двучастным, так как «во-первых, само действие должно контролироваться исполнителем <...>, во-вторых, говорящий должен иметь – полагать, что имеет, – определенное влияние на исполнителя» [Гусев 2002: 174–175].

Если такой контроль имеет место, возможно только повелительное наклонение, если контроля нет (или он заметно ослаблен) – регулярно используется оптатив как более мягкая (т. е. не включающая в себя интенсивную эмоциональную экспрессию) форма прошения.

Императив (обращение ко 2-му лицу)	Оптатив (обращение к 3-му лицу)
Проситель своим высказыванием побуждает адресата к действию (каузирует)	Проситель своим высказыванием выражает желание, чтобы действие совершилось (нет каузации)
Проситель пытается оказывать активное эмоциональное воздействие на адресата	Эмоциональная экспрессия в прошении отсутствует (или заметно ослаблена)

Главным компонентом семантики повелительного наклонения является наличие побуждения (или призыва, в нашем случае это прошение) к осуществлению какого-то определенного действия.

В этом случае морфологическая форма императива имеет значение непосредственного (прямого) выражения субъектом волеизъявления своего желания (или просьбы), направленной на то, чтобы адресат прошения так или иначе исполнил просимое, т. е. реализовал бы на практике то, что представляется просителю желанным или необходимым.

Таким образом, проситель обращает к адресату прошения своеобразный призыв быть как бы сопричастным тому действию, осуществления которого желает проситель. Эта сопричастность выражается в том, что следование призыву делает объект прошения (адресата) и просителя как бы единым субъектом императивного действия.

На создание такого единства направлен и субъективно-модальный компонент семантики повелительного наклонения – его экспрессивность при императивном высказывании прошения.

По-видимому, можно утверждать, что от адресата ожидается особенно пристальное внимание к искомому действию. Такое ожидание в виде призыва подкрепляется особой интонацией императивного высказывания.

В общую семантику повелительного наклонения включается компонент эмоционального призыва (мольбы) к адресату. Указанный компонент придает императивной форме ярко выраженную экспрессивность.

Формы оптатива видим в тех готских контекстах, где предполагаемый исполнитель не может быть непосредственным (неопосредованным) объектом прошения. Как следствие, субъект прошения лишен возможности обратиться к адресату напрямую. Поэтому адресат оптатива оформляется в 3-м лице, при том что сама молитва в целом обращена ко 2-му лицу («Отче наш», ты), которое при оптативном обращении выступает в роли посредника между субъектом и объектом прошения.

Субъект прошения, таким образом, стремится косвенным образом повлиять на реализацию желаемого действия. В этом случае форма оптатива призвана выразить не прямое (опосредованное) побуждение к действию, результат которого важен для просителя.

Причем это действие должно быть осуществлено 3-м лицом, которое в диалоге молитвы не участвует. В силу этого проситель не имеет возможности психологически воздействовать на него и поэтому снижает эмоциональную энергетику своего прошения, выбирая для него форму желательного наклонения: искомое действие оформляется уже не как императивное, а как оптативное.

Посредником при этом выступает Всевышний («Отче наш»), который, как предполагается, будет способствовать тому, чтобы желаемое получило реализацию.

Исследователи готского языка неоднократно отмечали, что на уровне лексики готские переводчики Библии стремились в максимальной степени следовать греческому прототипу [см., в частности: Stolzenburg 1905: 146–147, 154–155; Stutz 1966: 47; Трофимова 1993: 155]. Уровень слова был ведущим в передаче содержания Священного Писания при переводе с греческого языка на готский (почти подстрочный перевод «слово в слово»).

В то же время на уровне грамматики имел место, несомненно, гораздо более творческий подход, выражавшийся в стремлении адаптировать соответствующие категории, с одной стороны, формальным возможностям готского языка, с другой стороны – общему эмоциональному восприятию модальности текста, его «модуса».

Это прямо относится к грамматической категории наклонения, широко представленной в «Отче наш», которая есть «первоначальная молитва, молитва всех молитв, превосходнейшая молитва» [Толковая Библия 1998: 120].

В предлагаемой работе рассмотрены формы выражения желательного (оптатив) и повелительного (императив) наклонений, как они представлены в переводе молитвы «Отче наш» с греческого на готский язык.

В указанных языках данная категория представлена неодинаково, ее семантическое наполнение и диапазон употребления не совпадают.

«В греческой грамматике даже оптатив (модус произвольного допущения) в ином контексте может бесконечно близко подходить к самому определенному индикативу, а индикатив (модус реального существования) как угодно близко может подходить и к оптативу и к конъюнктиву (модус реально обусловленной возмож-

ности) и даже к императиву, несмотря на всю волевою категоричность этого последнего модуса» [Лосев 1977: 8].

Таким образом, в греческом языке эти модусы демонстрировали склонность к сближению друг с другом и, по-видимому, к взаимозаменяемости (свободное варьирование).

В то же время, как показывают наблюдения, в готском языке перевод данных греческих форм демонстрирует последовательное разведение грамматических категорий наклонения: императива и оптатива (дополнительная дистрибуция).

Два эти наклонения в готском языке четко и последовательно разведены в дополнительной дистрибуции. И это не может быть случайностью: греческий оригинал такой дифференциации не проводит.

В греческом тексте молитвы «Отче наш» повсеместно употреблен императив в аористе (кроме предваряющего $\text{προσεύχεσθε} = \text{bidjaip}$ «молитесь»: здесь греческий императив презенс = готский оптатив презенс). Греческому императиву в готском переводе соответствует либо оптатив, либо императив [Streitberg 1920: 205].

В готском тексте молитвы оптатив дан только в настоящем времени. И это, по-видимому, не случайно, потому что если предполагается, что желание осуществимо, то готский перевод регулярно употребляет это наклонение именно в настоящем времени, «в противном случае употребляются формы претерита» [Гухман 1994: 182; см. также: Streitberg 1920: 204].

Между тем следует отметить, что в греческом языке императив имел два времени: презенс и аорист. Однако разница в их употреблении была не временная, а видовая.

Повелительное наклонение в настоящем времени выражало действие длительного вида (ποιέι «делай»), т. е. означало требование постоянно выполнять определенное действие.

В этом смысле повеление προσεύχεσθε «молитесь», исходящее от Иисуса Христа, означало «вы всегда должны так молиться». «Отче наш» – молитва, которая «не исключает возможности продолжений, следствий и разъяснений» [Толковая Библия 1998: 120].

В готском языке повеление или требование выполнить действие длительного вида регулярно передается оптативом.

В греческом ему мог соответствовать либо императив презенс, либо, как в нашем случае, императив аорист [Streitberg 1920: 205].

Повелительное наклонение в греческом аористе означало, соответственно, однократное действие недлительного вида (ποιήσον «сделай») [Соболевский 1999: 87, 301] и относило это желаемое действие к будущему времени, причем имелось в виду «не только отдаленное будущее, но даже и такое, которое следует непосредственно за моментом речи говорящего» [Соболевский 1999: 303].

В свою очередь система готского глагола не допускала различия по виду, а повелительное наклонение образовывалось только от основы настоящего времени.

При этом в абсолютном большинстве случаев текст готской Библии демонстрирует перевод греческого императива аориста готским императивом, а греческого императива презенса – готским оптативом.

И хотя повелительное наклонение в германских языках было слабо выражено и мало употребительно [СГГЯ 1966, IV: 259], однако формы готского императива регулярно и последовательно используются в тех случаях, когда обращение адресовано непосредственно к Богу. Он мыслится как агентивный субъект (2-е лицо).

Нет сомнений, что в готском языке имело место «наличие известного устоявшегося узуса, своего рода некодифицированных норм» [Гухман 1976: 9]. Давление этих норм так или иначе принуждало готских переводчиков отказываться от буквального следования категориальным формам, представленным в греческом тексте, и заставляло обращаться к смысловыразительным средствам своего родного языка [Гухман 1940: 77].

Формы готского опатива, в свою очередь, обращены к 3-му лицу, т. е. к субъекту уже не агентивному.

Выбор того или иного готского склонения определяется именно данным обстоятельством: если «адресат прошения» [Толковая Библия 1998: 121 слл.] может быть активным исполнителем желаемого, то употребляется императив. В тех случаях, когда это невозможно, готский текст последовательно дает опатив.

Готско-греческое сопоставление этих прошений дает следующую картину.

1. «Да святится имя Твое»: **weihnai** (опатив презенс) = ἀγιασθήτω (императив аорист).

Здесь обращение к имени Бога, а не к Нему: «Бог Сам по Себе свят. Но мы противоречим этой святости, когда с непочтением относимся к имени Божию» [Толковая Библия 1998: 122].

2. «Да придет Царствие Твое»: **qimai** (опатив презенс) = ἐλθέτω (императив аорист).

3. «Да будет воля Твоя»: **wairpai** (опатив презенс) = γενηθήτω (императив аорист).

Толковая Библия отмечает, что «воля Божия исполняется тогда, когда приходит Царствие Божие; и, наоборот, наступление Царства Божия есть необходимое условие для исполнения воли Божией» [Толковая Библия 1998: 122].

4. «Хлеб наш насущный дай нам сегодня»: **gif** (императив) = δός (императив аорист).

Здесь уже прямое обращение к Богу: прошение о действии, которое может исполнить только Он.

Аналогичным образом обстоит дело и в следующем прошении (а также в прошении 7):

5. «прости нам долги наши»: **aflet** (императив) = ἄφεες (императив аорист).

6. «не введи нас в искушение»: **ni briggais** (опатив презенс) = μὴ εἰσενέγκης (конъюнктив аорист).

В данном случае ситуация особая: имеет место отрицательное прошение, т. е. просьба не осуществлять определенное действие.

И хотя это прошение обращено опять-таки, как и в предыдущих примерах, непосредственно к Богу, оно обретает иное грамматическое оформление: в греческом языке оно для 2-го лица всегда, независимо от адресации, вместо императива аориста выражается конъюнктивом аориста [Соболевский 1999: 301], тогда как готский язык в этих случаях почти повсеместно демонстрирует опатив [Streitberg 1920: 205].

Следует отметить при этом, что «германские языки имеют специальную парадигму, <...> функционально объединяющую смысловые структуры как опатива, так и конъюнктива других индоевропейских языков» [СГГЯ 1996, IV: 262].

Исключения, когда в отрицательном прошении греческому императиву соответствует императив готский, крайне редки:

L 8,52: **ni gretip** = μὴ κλαίετε «не плачьте»;

J 6,43: **ni birodeip** = μή γογγύζετε «не ропщите» [Streitberg 1920: 205].

Следует отметить, что в обоих примерах содержится повеление прекратить уже начатую деятельность.

Запрет во 2-м лице единственного числа готская Библия всегда передает конструкцией **ni** + оптатив, тогда как в греческом тексте это может быть либо презенс императива (μή + презенс императив), либо аорист конъюнктива (μή + аорист конъюнктив) [Streitberg 1920: 205].

В молитве «Отче наш» представлен как раз второй случай. Формы оптатива в греческом тексте Библии встречаются сравнительно редко, в большинстве случаев они заменяются конъюнктивом [Streitberg 1920: 204].

7. «Избавь нас от лукавого»: **lausei** (императив) = ῥῶσαι (императив аорист).

Вообще в германских языках оптатив выражал предполагаемую обусловленность, возможность или желательность реализации какого-то определенного действия (процесса) [СГГЯ 1996, IV: 260], и он мог использоваться также для обозначения будущего времени. При этом регулярно имела место смысловая нейтрализация между императивом и оптативом, когда, например, готский оптатив выступал в функции повелительного наклонения [СГГЯ 1996, IV: 258].

Вполне возможно, что готские переводчики Библии в своей работе сознательно (или интуитивно) учитывали психологический потенциал повелительного наклонения в своем родном языке и поэтому последовательно использовали императив во всех случаях, когда, согласно их представлениям, требовалось выразить необходимость максимально тесного эмоционального контакта между просителем и адресатом прошения, с которым проситель вступает в своеобразный диалог.

И, видимо, в соответствии с этими же представлениями, готский оптатив обладал сравнительно меньшей эмоциональной экспрессией, меньшей степенью субъективности, а потому использовался для выражения побуждений, обращенных к третьим лицам, т. е. к адресатам, не являющимся непосредственными (прямыми) участниками диалога между просителем и адресатом прошения и к которым в силу этого нет субъективной необходимости (или объективной возможности) направлять экспрессию побуждения прямо и непосредственно.

И это, как справедливо указывает Н.В. Перцов, конечно же, вовсе не означает, что императивная форма побуждения к действию носит более категоричный характер, нежели оптативная [Перцов 2001: 226].

Разумеется, призыв к Всевышнему ни в коем случае не может интерпретироваться как приказ, как категорическое требование, подлежащее безусловному исполнению.

В готском тексте молитвы акцент делается не на большей или меньшей степени повелительности (побудительности к действию) прошения, а на ее большем (императив) или меньшем (оптатив) эмоциональном напряжении.

Благодаря этому те модальные оттенки, которые были присущи готскому императиву и оптативу, в общей структуре высказывания создавали особый смысловой пласт, отсутствующий в греческом языке.

Таким образом, в общем контексте готской молитвы различие и чередование модальностей императива и оптатива оказывается релевантным как в плане выражения, так и в плане содержания.

Это чередование раскрывает в высказанных прошениях глубинный семантический уровень, содержащий утверждение необходимости (и возможности) тесной психологической связи Бога и человека.

Безусловное понимание, что Бог бесконечно выше человека, никак не отменяет страстной веры в то, что Всевышний Отче наш может пребывать в неразрывном единстве с обращающимся к нему с мольбой человеком, может быть ему бесконечно близким.

«Вульфила <...> не копирует, не калькирует, а с глубоким пониманием изъясняет оригинал, используя все ресурсы, которые дает ему язык» [Смирницкая 2014: 18].

Как представляется, проведенный анализ семантики модальности действия в молитве «Отче наш» в полной мере подтверждает правоту этих слов.

ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. 176 с.
- Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947. 783 с.
- Виноградов В.В.* Синтаксис русского языка акад. А.А. Шахматова // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 75–126
- Грабье Вл.* Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983. С. 105–128.
- Гусев В.Ю.* Императив и смежные значения // Семиотика и информатика: Сборник научных статей. Вып. 37. М., 2002. С. 173–206.
- Гухман М.М.* Происхождение строя готского глагола. М.; Л., 1940. 154 с.
- Гухман М.М.* К типологии литературных языков донационального периода // Типология германских литературных языков. М., 1976. С. 5–29.
- Гухман М.М.* Готский язык. М., 1995. 288 с.
- Лосев А.Ф.* О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Известия АН СССР, серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 1. С. 3–8.
- Перцов Н.В.* Инварианты в русском словоизменении. М., 2001. 257
- Пичхадзе А.А.* Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 14–24.
- Смирницкая О.А.* От слова к смыслу: Вульфила как переводчик готского Священного Писания // *Stephanos*. 2014. № 2(4). С. 10–41.
- Соболевский С.И.* Древнегреческий язык. СПб., 1999. 614 с.
- Сравнительная грамматика германских языков: В 5 т. Т. 4: Морфология (продолжение). М.: Издательство АН СССР, 1966. 496 с.
- Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 9. М., 1998.
- Трофимова Ю.М.* Лексико-семантическая система готского языка. Саранск, 1993. 167 с.
- Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1919.*
- Stolzenburg H.* Die Übersetzungstechnik des Wulfila untersucht auf Grund der Bibelfragmente des Codex argenteus // *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1905. Bd. 37. Heft 2. S. 146–147, 154–155.
- Streitberg W.* Gotisches Elementarbuch. Heidelberg, 1920. 308 S.
- Stutz E.* Gotische Literaturdenkmäler. Stuttgart, 1966. 268 S.

REFERENCES

- Bondarko A.V. (1978) Grammatical Meaning and Significance. Leningrad. 176 P.
- Vinogradov V.V. (1947) Russian Language: (Grammatical Doctrine of the Word). Moscow; Leningrad. 783 p.
- Vinogradov V.V. "The Syntax of the Russian Language" of Academician A.A. Shakhmatov. In: The Questions of the Contemporary Russian Language Syntax. Moscow. 1950, pp. 75–126.
- Grabier V.I. Semantics of the Russian Imperative. In: Comparative Study of the Grammar and Vocabulary of the Russian Language with the Czech Language and other Slavic Languages. Moscow. 1983, pp. 105–128.
- Gusev V.Yu. Imperative and Adjacent Values. In: Semiotics and Informatics: Collection of Scientific Articles. Issue 37. Moscow. 2002, pp. 173–206.
- Gukhman M.M. (1940) The Origin of the Structure of Gothic Verb. Moscow; Leningrad. 154 p.
- Gukhman M.M. To Typology of Literary Languages of the Pre-national Period. In: Typology of German Literary Languages. Moscow. 1976, pp. 5–29.
- Gukhman M.M. (1955) The Gothic Language. Moscow. 288 p.
- Losev A.F. On the Infinite Semantic Valence of the Linguistic Sign. *Izvestiya AN SSSR. Series of Literature and Language*. 1977. Vol. 36. No 1, pp. 3–8.
- Pertsov N.V. (2001) Invariants in the Russian Word Change. Moscow. 257 p.
- Pichkhadze A.A. Means of Expressing Imperative and Optative Semantics in Old Russian and Old Russian Prescriptive Monuments. *Questions of Linguistics*. 2010. No 5, pp. 14–24.
- Smirnitckaya O.A. From Word to Sense: Ulfilas as the Translator of Gothic Holy Scriptures. *Stephanos*. 2014. No 2(4), pp. 10–41.
- Sobolevsky S.I. (1999) Ancient Greek Language. St.-Petersburg. 614 p.
- Comparative Grammar of Germanic Languages. In 5 vols. Vol. 4: Morphology (continuation). Moscow. 1966. 496 p.
- Explanatory Bible, or Comment on All the Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament. Vol. 9. Moscow. 1998.
- Trofimova Yu.M. Lexico-semantic System of the Gothic Language. Saransk. 1993. 167 p.
- Die gotische Bibel / Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1919.
- Stolzenburg H. Die Übersetzungstechnik des Wulfila untersucht auf Grund der Bibelfragmente des Codex argenteus. *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1905. Bd. 37. Heft 2. S. 146–147, 154–155.
- Streitberg W. (1920) Gotisches Elementarbuch. Heidelberg. 308 S.
- Stutz E. (1966) Gotische Literaturdenkmäler. Stuttgart. 268 S.

Сведения об авторе:

Александр Владимирович Блинов,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander V. Blinov,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
blinov@philol.msu.ru